

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.17223/1998863X/69/11

ГИБРИДИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Татьяна Викторовна Лягошина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины гибридизации публичного дискурса и его характерные черты в контексте современного медиапространства. Предпринята попытка проанализировать соответствующие явления с коммуникативной и эпистемологической позиций. В связи с рассмотрением теории познания в условиях информационной перегрузки («инфокризиса») сделан вывод о целесообразности введения в воспитательно-образовательные практики таких предметов, как критика источника и интегративный герменевтический подход к толкованию текстов. Вводится понятие «адаптивного социального знания» как способа оптимального приспособления индивидов и общества к изменяющейся в культурном и ценностном отношении среде обитания. Статья завершается подчеркиванием необходимости общефилософского понимания рассмотренных феноменов и разработки междисциплинарных проектов для их всестороннего исследования.

Ключевые слова: публичный дискурс, медиапространство, гибридизация, масс-медиа, СМИ, информация, коммуникация, познание, знание, общество, социальная реальность

Для цитирования: Лягошина Т.В. Гибридизация публичного дискурса в современном медиапространстве: социальные эффекты и исследовательская перспектива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 94–103. doi: 10.17223/1998863X/69/11

Original article

HYBRIDISATION OF PUBLIC DISCOURSE IN THE MODERN MEDIA SPACE: SOCIAL EFFECTS AND RESEARCH PROSPECTS

Tatiana V. Lyagoshina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Abstract. The scope of the studies of mass-media and public discourse transformation processes is vast and multi-faceted, and requires some coordinated interdisciplinary approaches. Meanwhile the current stage of scientific comprehension of the above mentioned topic (from the beginning of the 21st century) may be designated as preliminary and a sort of “reconnaissance” within the “territory” of the modern media space and also an observation of all the diverse processes that are found within it. As a result of such observation, the phenomenon of public discourse hybridisation has been identified as comprising a mixture of cultural, genre, style and language features and characterised by blurring of the boundaries between elitist and mass cultures. This phenomenon is, first of all, based on information and technology development of post-industrial societies, namely, the World Wide Web (Internet) and mass computerisation (especially the fact of mass owning of mobile digital gadgets – smartphones, laptops, etc.). Modern media space public discourse,

seen as a hybrid communicative phenomena despite its ultimate openness and flexibility or rather due to them, leads to situations where the risk of losing initial meaning of transferred messages and also recipient's attention is very high. That also may result in failure of certain communication attempts since the cooperative principles of communication are involuntarily violated. Additionally, the growing lack of trust in received information and the rise of social tension and protesting behaviours are observed as a negative reflection of hybrid public discourse. There is already some scientific evidence of these as caused by the destructive influence of information overload ("info-crisis") on human cognition. It is of the main interest under the circumstances to find ways to raise people's tolerance to information overload and, which seems to be even more important, to educate in them a rational and critical attitude towards any information and to make the learning and knowledge-acquiring processes more effective in general. The social significance of mass-media and public discourse is well recognised and foregrounds the task of conceptualisation and comprehensive studies of their influence on human cognition and world outlook of both reciprocating authors and audience, and also of the need of knowledge, beliefs and prejudices demarcation as well as the results of propaganda, ideology and information noise on information consumers. It seems important in the context of cultural and technological specifics of modern society to introduce the concept "adaptive social knowledge" – the type of knowledge that takes into account all the cultural and axiological features of the period of time studied and can provide both individuals and societies with tools for an optimum adaptation to the current environment changes and civilisation progress.

Keywords: public discourse, media space, hybridisation, mass media, information, communication, cognition, knowledge, society, social reality

For citation: Lyagoshina, T.V. (2022) Hybridisation of public discourse in the modern media space: social effects and research prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 69. pp. 94–103. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/11

Для нашего времени характерен растущий интерес исследователей к проблемам языка масс-медиа и трансформации медиапространства. Масс-медиа играют сегодня, пожалуй, одну из самых важных ролей в жизни общества: они не только формируют информационную картину мира, сообщая аудитории о событиях в ближних и дальних «мирах», о планах и намерениях значимых социальных акторов, но и оказывают влияние на речь и речевое поведение людей, видоизменяя старые и внедряя новые нормы и лексику и являясь полем для развертывания публичного дискурса, порождают и транслируют определенные значения и смыслы, тем самым оказывая разностороннее влияние на все аспекты социальной реальности.

Однако отметим, что масс-медиа современности необходимо понимать расширительно, а именно как совокупность не только органов передачи публичной информации в лице государственных или коммерческих СМИ, что имело место в прежние, «доинтернетные», времена, но и неформальных групп, сообществ, а также отдельных индивидов, продуцирующих разного рода сообщения в общем информационном поле, развернутом на базе Всемирной паутины. Если еще в конце XX в. «бразды правления» публичным дискурсом почти всецело находились в руках власть предержащих (политических и/или финансовых элит), то сегодня лидером мнений, задающим тон и направление публичного дискурса (по крайней мере, на некоторое время) может стать любой человек, который обучен грамоте (это 85% учтенного населения Земли, как указано в Докладе о человеческом развитии ЮНЕСКО, и около 60% из них имеют доступ в интернет [1. С. 230–233]. То есть властные механизмы дискурса, понимаемые как «комплексная, систематическая и

регулярная реализация персуазивных (воздействующих убеждающе) стратегий и приемов воздействия, позволяющих в своей совокупности управлять сознанием и поведением индивида и / или социальных групп», потенциально доступны теперь любому гражданину мира. Соответственно и публичный дискурс должен пониматься также расширительно. И медиапространство новых реалий – это пространство публичных коммуникаций «всех со всеми», создаваемое преимущественно электронными средствами с помощью современных информационных технологий.

Сегодня исследователи публичного дискурса единодушно видят в нем социально-исторически обусловленную, т.е. развивающуюся вместе с обществом организацию речевого взаимодействия. При этом, согласно теории дискурсивной борьбы Лакло и Муфф [2], признается, что никогда и никакой дискурс не может считаться завершенным и / или замкнутым. Дискурсы постоянно меняются, «перетекают» один в другой и соперничают между собой за доминирование, задавая и фиксируя в этом процессе определенные языковые значения (здесь следует заметить, что такие характеристики дискурса, как изменчивость и конкурентность, присущи и другим (по сути, любым) социальным феноменам).

В наше время дело обстоит так, что скорость изменений и интенсивность борьбы дискурсов стремительно возросли и продолжают свой рост. Однако этот рост касается в основном не качественных аспектов упомянутых процессов, а количественных. Причиной тому выдающийся прогресс в области информационных технологий, облегчающих и ускоряющих процессы генерации и трансляции сообщений, а также всевозрастающая доступность этих технологий для все большего количества людей по всему миру. Но является ли такая интенсификация в сфере публичного дискурса благом и к чему она, в конечном итоге, может привести? В качестве одного из вариантов ответа на эти вопросы уместна цитата из П. Вирилио [3]: «В информационном обществе технонаука превращается в массовую технокультуру и больше не ускоряет историю, а порождает лишенное всякого правдоподобия, головокружительное «ускорение реальности» – дромосферу (от греч. «дромос» – скорость, бег, состязание), которое ведет к искажению времени и ускорению всех реальностей: вещей, существ, социокультурных явлений. Восприятие информации теперь определяется не содержанием сообщения, а его скоростью (медленная подача информации становится шумом). Информация (лишенная в глобальной сети контекста) в конечном счете перестает отличаться от дезинформации. Последняя осуществляется сейчас не утаиванием, а информационной перегруженностью».

Так как публичный дискурс, согласно признанной дискурсивной теории Лакло–Муфф, формируется за счет фиксации значений вокруг некоторых узловых точек или «привилегированных знаков» (например, таких, как ставшие уже традиционными концепты «свобода», «демократия», «развитие», «власть», «государство», «здоровье», «счастье», «война», «терроризм» и т.д.), в свою очередь, упорядочивающих и раскрывающих другие знаки, то чем больше в качественном и количественном отношении этих узловых точек актуализируется одновременно, тем больше образуется и циркулирует значений или элементов дискурса, претендующих на обладание значением. Обычно знаки сами по себе «пусты» и обретают специфическое значение, будучи

помещенными в определенный дискурс. Однако «наслаивание» дискурсов, их неизбежное взаимопроникновение и смешение (эти процессы мы обозначим термином «гибридизация») приводят либо к «переполнению» знака и, соответственно, утрате им способности нести конкретное, изначально предполагаемое адресантом или привычное для адресата значение, либо к его игнорированию в связи с размытием фокуса внимания аудитории. Слишком много сил / агентов «сражаются» за право наполнять знаки значениями, одновременно пытаясь помешать другим агентам эти значения изменить или удалить из дискурсивного поля.

Таким образом, публичный дискурс в современном медиапространстве, являясь по своему характеру гибридным коммуникативным феноменом, несмотря на предельную открытость и гибкость, а скорее именно благодаря им, приводит к ситуациям, ограничивающим возможность передачи сообщения без риска утраты его первоначального значения, а также внимания адресата и, по большому счету, к провалу отдельных попыток коммуникации, ибо в таких условиях невольно нарушается принцип коммуникативной кооперации (максимы П. Грайса [4]).

Ранее все высказывания, содержательно и / или идеологически не соответствующие доминирующей теме, вытеснялись за пределы публичного дискурса. Сегодня же поле публичного дискурса настолько широко и технические возможности отдельных индивидов и социальных групп настолько велики и разнообразны, что находится место для любой темы / предмета обсуждения, точки зрения или позиции, и любая из них может найти свою аудиторию, своих адептов, поклонников и последователей и, при определенном стечении обстоятельств, выйти на лидирующие / доминирующие позиции.

Разумеется, и сегодня публичный дискурс, в первую очередь, выбирает из «резервуара» потенциальных значений те, которые, с одной стороны, максимально отражают / выражают актуальную повестку дня, а также обслуживают верования / убеждения и интересы доминирующих на данном этапе времени социальных агентов, но дело в том, что «позиция силы» того или иного агента могут приобретаться и / или утрачиваться сегодня очень быстро, во многом стихийно и малопредсказуемо.

Как следствие, «фокус дискурса» не задерживается долго на одном топике, а если некая тема продолжает муссироваться относительно продолжительное время (пример: Ковид-19), глубина общественной дискуссии уменьшается, снижается экспертность оценок, происходит мифологизация предмета обсуждения, и все это, вместе взятое, зачастую приводит к усугублению и массовому распространению иррационального мышления. Это кажется особенно парадоксальным на фоне достижений современной науки и стремительного развития высоких технологий, но при этом является легко фиксируемым фактом (количество «желтых» медиа ежегодно растет, особенно за счет новых социальных сетей типа Инстаграм, Тик-Ток и им подобных).

Упомянутый комплекс факторов и связанных с ними проблем гибридизации публичного дискурса интересно рассмотреть с точки зрения эпистемологии: как в современном медиапространстве осуществляется процесс познания, отделения фактов от вымысла, обнаружение смысла, формирование знаний. В русле критики классической теории познания можно предполо-

жить, что сегодня мы наблюдаем коммуникативно-интерпретативный поворот в рассмотрении проблематики роли и возможностей субъекта в познавательном процессе и вынуждены признать, что рациональных познавательных средств современному человеку недостаточно и что определяющее влияние начинают оказывать ценности и цели познающего субъекта (как индивида и как члена общества). Если речь не идет о сугубо естественнонаучном дискурсе, который при определенных событиях может составлять большую долю публичного дискурса (как в примере с пандемией Ковид-19), в поле социального становится очевидным, что с процессуальной точки зрения познание здесь основывается на культурно-ценностных ориентирах или критериях, и ведущую роль начинает играть способность субъекта к соотношению этих ориентиров с современными общечеловеческими ценностями и целями, а также с «вневременным» внутренним моральным законом Канта. Таким образом, видится целесообразным введение в воспитательно-образовательные практики разных уровней и специфики, помимо таких предметов, как критика источника, занятий, направленных на развитие современного, интегративного герменевтического подхода к толкованию текстов (в широком смысле термина «текст»).

В подтверждение значимости для социогуманитарной сферы культурно-ценностного компонента в процессе познания и формирования знания можно также упомянуть концепцию археологии знания М. Фуко [5], в которой он исходит из представлений о языковом характере мышления и сводит деятельность людей к дискурсивным практикам, представляющим собой «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания». Для каждой исторической эпохи характерен свой уровень «культурного знания», называемый Фуко эпистемой. Анализируя взгляды Фуко, И. Ильин [6. С. 60–62] выделяет следующее определение эпистемы – это мыслительная и языковая базовая структура, по законам которой образуются, «конституируются» и функционируют все остальные социальные структуры, обуславливающая возможность определенных социальных взглядов, концепций («языковой код») в тот или иной исторический период, основанная на формировании определенного доминирующего дискурса, определяющего способ, которым мир представляется или «видится» социальными субъектами как участниками социальных практик. Здесь «видится» практически означает «познается».

Очевидно, что для эпистемы современного мира характерно интенсивное смешение кодов (предписаний, запретов, свобод и т.д.). По-прежнему во многом предопределяя мышление, а следовательно, и языковое и неязыковое поведение индивида, такая эпистема способствует и ценностному смешению, моральной дезориентации и «неприкаянности» людей, и все эти негативные эффекты имеют в том числе и массовый характер («неприкаянная толпа»). Если ранее было принято подчеркивать, что каждый дискурс – это один из возможных «миров», то сегодня мы можем уверенно констатировать, что современный публичный дискурс – это постоянное смешение, гомогенизация или гибридизация миров («монокультура»).

Среди особенностей современного публичного дискурса можно выделить его чрезвычайную «пестроту» («шрапнель информационного взрыва»), из которой очень сложно вычленить конкретное, определенное и целостное знание. Примечательны в этом отношении наблюдения автора статьи «Глобальная песочница на острове дураков» Т. Воеводиной [7]: «Мелькание – возможно, главная характеристика современного дискурса. Как шестилетка не может сосредоточиться ни на чем дольше пяти минут, а дальше он отвлекается и забывает, о чем шла речь, точно так и современный человек ни на чем не сосредоточен, думает одновременно обо всем – и ни о чем... Такое мельтешение лучше всякой цензуры способно скрыть любые уродства, маневры и манипуляции. Не надо ничего намеренно скрывать и замалчивать, сказать можно все, что угодно. Любое разоблачение будет через пять минут прочно погребено под кучей нового информационного мусора... Миллионы испытывают почти физическую потребность в коротких новостях, передаваемых по всем каналам массовой коммуникации...».

Интернет заставляет не только масс-медиа, но и индивидуальных производителей информации придавать ей калейдоскопическую, мозаичную форму. В связи с этим выделяют специфическую культуру восприятия информации – альтернативную (с лат. *alternatio* – чередование). Основными ее чертами являются фрагментарность и разнородность потребляемой информации, а также навык быстрого переключения между логическими фреймами. Как выразился Э. Тоффлер [8], «...на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, обстреливают нас разорванными, лишенными смысла „клипами“, мгновенными кадрами».

Также широко рассматривается сегодня проблема риторизации публичного дискурса, связанная с усложнением способов репрезентации, увеличением числа способов получения и обработки информации и, соответственно, направленная на поиск новых форм коммуникации автора и аудитории. В публичном дискурсе, как отмечает в своей работе Е. Панова [9], доминирует авторский ракурс, авторское, индивидуальное сознание, таким образом, публичный дискурс представляет собой сложный конгломерат индивидуальных риторик. Очевидно, что современное медиапространство серьезно трансформируется и устремлено, с одной стороны, к индивидуализации (множество уникальных авторов), а с другой – к кросскультурной глобализующей коммуникации (единое медиапространство).

Многие исследователи отмечают доминирование в поле современного медиапространства симулякров, а также формирование и распространение множества различных стереотипов, которые представляют собой упрощенное и / или формализованное представление о том или ином аспекте действительности. Во многом это происходит по причине роста отчужденности или разобщенности знания и практического опыта человека и результатов его деятельности. Рост объема информации приводит к невозможности сделать осознанный выбор и непредвзято дать оценку событиям или явлениям ввиду разнообразия точек зрения и версий и как следствие затрудненности ориентации в них. Рано или поздно такая ситуация будет приводить к «столкновению с реальностью», порождающему недоверие всех ко всем и протест про-

тив существующего положения дел, каковым бы оно ни было, так как именно ему, а не «инфокризису» многие приписывают свой психоэмоциональный и даже физический дискомфорт.

Давно отмечено, что зависимость как индивидов, так и социальных институтов от масс-медиа может быть потенциально опасной. Одним из первых о такой опасности заговорил П. Бурдьё: «Я действительно считаю, что телевидение с помощью различных механизмов... подвергает большой опасности самые различные сферы культурного производства: искусство, литературу, науку, философию, право, политическую жизнь и демократию...» [10. С. 22]. По его выражению «поле журнализма», все более подчиняющееся коммерческой логике, оказывает всевозрастающее давление «на другие универсумы». Гуманитарное поле, поле историков, философов, даже поле точных наук получают сегодня значимую оценку извне, со стороны эта оценка вдруг оказывается весомее мнения профессионального сообщества. Из вышесказанного российский ученый И. Дзялошинский делает вывод, что власть масс-медиа (медиакратия) представляет собой реальную силу: «Если представительская демократия подменяет собой общество, то СМИ подменяют собой саму представительскую демократию. Кажется, что они делают это „во имя общества“, на самом деле они действуют по автономной программе, связанной с растворением и новым моделированием общества, а не с его отражением. СМИ являются не только последовательно антидемократической, но и антиобщественной силой. Это не случайное обстоятельство в конкретном обществе – как раз в конкретном обществе это может быть и не так очевидно проявлено. Это внутренняя структура самой медиакратии, ее сущность» [11. С. 274].

Сложная, открытая, динамическая система современного медиапространства является одним из наиболее ярких и успешных продуктов научно-технического прогресса и глобализации. Это пространство без границ, изменившее восприятие человеком и времени, и физического пространства, и себя в них. Оно подвергается стремительной трансформации как в технико-технологическом, утилитарном, так и в ценностном отношении. Порождаемый и поддерживаемый в таком «текущем» медиапространстве публичный дискурс также трансформируется, приобретая новые черты – происходит непрерывная гибридизация всех его основных параметров.

Общепринято, что дискурс должен обеспечивать преобразование информации в смыслы – конструирование знания, а также переход знания между уровнями, взаимопроникновение информации различного типа. Однако мы видим, что при сохранении функции влияния гибридный публичный дискурс во многом утрачивает свою упорядочивающую функцию. Медийные продукты сегодня, представляя собой эволюционное продолжение текстов печатных, веками служивших делу упорядочения знания и формирования целостной картины мира, из-за чрезмерного потока разноречивых, а нередко и противоречивых сведений, наоборот, способствуют бессистемности восприятия информации адресатами, «моральной панике», хронической тревоге, что само по себе порождает чувство недоверия и страха перед окружающей реальностью, даже вне каких-либо катаклизмов, кризисов и иных чрезвычайных ситуаций.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что коммуникативно-дискурсивные механизмы не только помогают людям строить их социальную –

внешнюю по отношению к ним – реальность, но и влияют на глубинные процессы в когнитивной сфере индивидов, реципрочно изменяя возможности для «внешнего» конструирования. В настоящее время активно ведутся работы по изучению связи и взаимного влияния когнитивных, коммуникативно-дискурсивных и культурных процессов [12].

Сеть Интернет, которая, собственно, и является сегодня субстратом глобального медиапространства, из информационной площадки все больше превращается в интеракционную, в некое «электронное вече» и даже «информационное поле брани». Коммуникация в сети начинает превалировать над персональной оффлайн-коммуникацией. Сегодня любой актер социальных сетей может выступать в качестве СМИ, внося свой вклад в формирование публичного дискурса. Следовательно, до тех пор, пока функционирует интернет, ни у кого нет монополии на генерацию и интерпретацию сообщений и, соответственно, монополии на оказание влияния на массовую аудиторию.

Так как конструирование социальной реальности происходит во многом в сфере публичного дискурса и его инструментами и именно в нем закладываются основы и зарождаются потенциалы для выбора направленности и «социальных технологий» дальнейшего развития общества, изучение этой сферы представляет не только академический, но и практический, стратегический интерес для как для национального / регионального, так и для глобального уровней планирования и управления.

Заключительные соображения

Современное медиапространство и публичный дискурс – система в системе. Очевидно, что как одно, так и другое чрезвычайно сложны и обладают свойствами спонтанности, текучести, высокой энтропийности и ограниченной управляемости, что бросает серьезный вызов любому, кто берется их исследовать и / или на них влиять. Несмотря на пристальное внимание представителей самых разных научных дисциплин к вопросам массовой коммуникации, связи языка и жизни общества в условиях глобальной «инфосферы», пока нет единой исследовательской программы в отношении публичного дискурса в современном медиапространстве. Проанализировать вышеупомянутые тенденции развития медиапространства и публичного дискурса и обозначить возможный каркас для такой междисциплинарной программы представляется нам новой, интересной и важной задачей.

Критически важное значение современных масс-медиа и публичного дискурса актуализирует задачу всестороннего осмысления их влияния на сознание и мировоззрение авторов и аудиторий, последовательно меняющихся ролями, на процессы познания, на необходимость «демаркации» знаний от верований и предрассудков, а также от результатов воздействия на потребителя информации пропаганды, идеологических конструкций и информационного шума. В контексте культурных и технологических особенностей современного общества представляется необходимым ввести понятие «адаптивного социального знания» – такого, которое, при учете культурно-ценностной специфики рассматриваемого периода времени, обеспечит и индивидам, и обществу в целом условия для оптимального приспособления к текущим особенностям среды обитания и позитивного цивилизационного прогресса. В этой связи можно вполне определенно утверждать, что исследо-

вание роли публичного дискурса в современном медиапространстве выходит за рамки социологии и коммуникативистики и влечет за собой необходимость общефилософского понимания текущего состояния и перспектив развития этих феноменов и разработки масштабных междисциплинарных исследовательских проектов.

Список источников

1. Доклад о человеческом развитии 2016: Человеческое развитие для всех и каждого / пер. с англ. Human Development Report 2016: Human Development for Everyone. М. : Изд-во «Весь Мир», 2017. 284 с.
2. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985. 198 p.
3. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуневой. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 191 с.
4. Grice P. Logics and conversation // Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New-York : Academic Press, 1975. P. 41–58.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. 416 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.
7. Воеводина Т. Глобальная песочница на острове дураков // Интернет-журнал RELGA № 16 [254] 05.11.2012. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3353&level1=main&level2=articles>
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2010. 800 с.
9. Панова Е.Ю. Риторизация современного медиапространства как фактор релевантности проблемы риторического кода в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 4. URL: <https://www.csu.ru>
10. Бурдье П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры» : Ин-т эксперим. социологии, 2002. 160 с.
11. Дзялошинский И. Современное медиапространство России: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2015. 312 с.
12. McCombs M., Stroud N.J. Psychology of Agenda-Setting Effects. Mapping the Paths of Information Processing // Review of Communication Research. 2014-01-31. Т. 2, вып. 1. С. 68–93.

References

1. UNO. (2017) *Doklad o chelovecheskom razvitii 2016: Chelovecheskoe razvitie dlya vseh i kazhdogo* [Human Development Report 2016: Human Development for Everyone]. Moscow: Ves' Mir.
2. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
3. Virilio, P. (2002) *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [The Information Bomb. Strategy of Deception]. Translated from French by I. Okuneva. Moscow: Gnosis.
4. Grice, P. (1975) Logics and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New-York: Academic Press. pp. 41–58.
5. Foucault, M. (2004) *Archeology of Knowledge*. Translated from French by M. Rakova, A. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Academia.
6. Ilyin, I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.
7. Voevodina, T. (2012) Global'naya pesochmitsa na ostrove durakov [Global sandbox on the island of fools]. *RELGA*. 16(254). 5th November. [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3353&level1=main&level2=articles>
8. Toffler, A. (2010) *Tretiya volna* [The Third Wave]. Translated from French. Moscow: AST.
9. Panova, E. (2019) Ritorizatsiya sovremennogo mediaprostranstva kak faktor relevantnosti problemy ritoricheskogo koda v mediadiskurse [Rhetorization of modern media space as a factor of relevance of the problem of rhetorical code in media discourse]. *Medialingvistika*. 6(4). [Online] Available from: <https://www.csu.ru>

10. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French by T. Anisimova, Yu. Markova. Moscow: Fond nauchnikh issledovaniy Pragmatika kultury, Institut eksperimentalnoy sotsiologii.

11. Dzyaloshinsky, I. (2015) *Sovremennoye mediaprostranstvo Rossii* [Russian Modern Media Space]. Moscow: Aspekt Press.

12. McCombs, M. & Stroud, N.J. (2014) Psychology of Agenda-Setting Effects. Mapping the Paths of Information Processing. *Review of Communication Research*. 2(1). pp. 68–93

Сведения об авторе:

Лягошина Т.В. – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyagoshina T.V. – postgraduate student, Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.09.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 01.09.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*